

Москва в её прошлом и настоящем
Выпуск 12

УДК 93
ББК 63.3
М82

М82 Москва в её прошлом и настоящем: Выпуск 12 / – М.: Книга по Требованию, 2021. – 168 с.

ISBN 978-5-458-09991-2

ISBN 978-5-458-09991-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

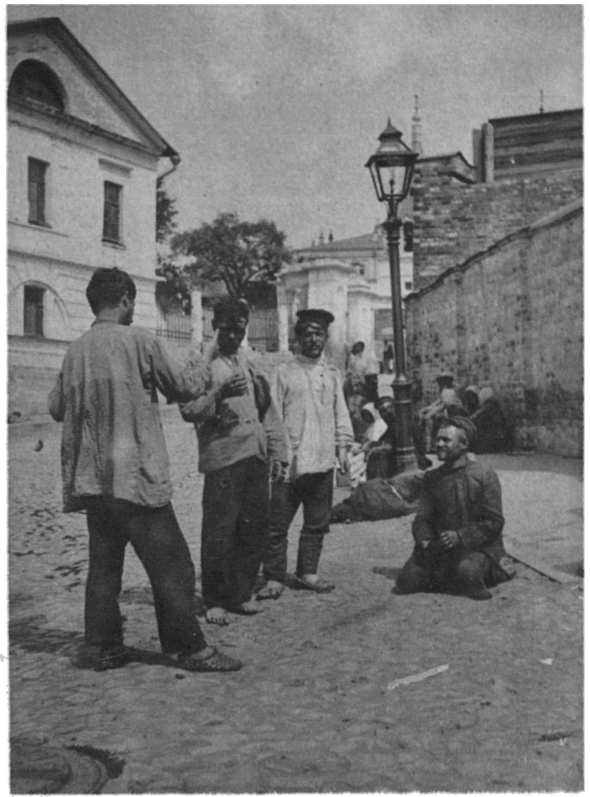
Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Уличный сапожник.

„Хитрованцы“.

Московская жизнь. Хитровъ рынокъ.

зонть. Уходило въ даль безконечное Замоскворѣчье, были видны Воробьевы горы, теперь закрытыя корпусами бутиковской фабрики. Не было многихъ общественныхъ зданій, представленіе о которыхъ теперь неразрывно связано съ архитектурнымъ обликомъ Москвы: не было «Метрополя» на Театральной площади, Музея Александра III, на мѣстѣ котораго находился не такъ давно пустырь—«Колымажный дворъ», Ярославскаго вокзала, Брестскаго вѣдука и т. д. Во многихъ мѣстахъ разстилались громадныя пустыя пространства, по которымъ не рекомендовалось проходить по вечерамъ. Міусская площадь и Дѣвичье поле—покрывшіяся и покрывающіяся красивыми зданіями учебныхъ и благотворительныхъ учреждений, представляли зеленое поле, непроходимое весной, кой-гдѣ перерѣзанное заборами.

Характеръ улицъ былъ совсѣмъ иной. Трамвай, придающій культурный и торопливый видъ городу, не существовалъ, позднѣе же пошелъ только по 2—3 улицамъ. По главнымъ городскимъ артеріямъ ходила бельгійская «конка». Хотя и устроенная европейцами, она во всемъ своемъ обликѣ хранила столько чисто московской неторопливости и патріархальности, что о ней нельзя не упомянуть. Конка ползла страшно медленно, поэтому въ нее садились не столько для быстроты передвиженія, сколько «для отдыха», чтобы не утомляться «пѣшимъ хожденіемъ». Трясучіе вагоны съ меланхоличнымъ звономъ вѣчно болтающагося колокольчика каждыя 5 минутъ останавливались на развѣздахъ. Наступало томительное ожиданіе встрѣчнаго вагона, иногда задерживающагося чуть не на четверть часа. Зимой въ конкѣ былъ адскій холодъ: пассажиры, согрѣваясь, топотали ногами. При подъемахъ въ гору или даже просто при небольшихъ возвышенностяхъ къ вагону прицѣплялась еще одна лошадь, иногда двѣ, а на крутомъ подъемѣ отъ Трубной площади по Рождественскому бульвару прицѣплялись 2 пары, съ мальчишкой фореиторомъ, и вся длинная громоздкая машина дребезжа неслась въ гору. Особенной медлительностью отличалась линія конки отъ Смоленскаго рынка до Сухаревой площади. Рейсъ обычно длился около часа.

Конка была излюбленной темой для ироническихъ выпадовъ москвичей. Обличеніе ея порядковъ и угрозы, что «управа приберетъ ихъ къ рукамъ», объединяло всѣхъ пассажировъ вагона во время долгихъ стоянокъ на развѣздахъ. Пассажиры набивались очень плотно и знакомства завязывались очень быстро. Широко была распространена поговорка: «съ передаточнымъ билетомъ—садись зимой, пріѣдешь лѣтомъ». «Коночная кляча» было ходячимъ ругательствомъ, для обозначенія негодности, несурзанности. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, между прочимъ по Покровкѣ, ходила конка съ имперіаломъ, на который не пускали женщинъ, а послѣ нѣкоторыхъ случаевъ паденія оттуда на мостовую, осторожные кондуктора не пускали наверхъ и пьяныхъ, предлагая имъ ѣхать внизъ—въ первомъ классѣ. Интересно, что при своей медлительности конка часто давила и калѣчила людей...

Въ послѣдніе годы, благодаря развитію трамвайной сѣти, сильно уменьшилось движеніе на улицахъ. Усилился темпъ его, но людей какъ-то стало меньше, нѣтъ прежней сутулоки на тротуарахъ и перекресткахъ. Сократилось не только количество пѣшеходовъ, но и экипажей, опять-таки отчасти благодаря трамваямъ, но въ большей степени благодаря автомобилямъ. Быстро проносящіеся автомобили не загромождаютъ улицъ, прежніе же купеческіе выѣзды—пары и тройки, создавали на узкихъ московскихъ улицахъ невозможную сумятицу. Въ центрѣ города движеніе сократилось также и оттого, что Москва за послѣдніе годы замѣтно децентрализовалась. Раньше всѣ магазины и учрежденія жалась къ центру, теперь они раскинулись на весь городъ, образовавъ нѣсколько торговыхъ районовъ: Арбатъ, Нѣмецкая, Пятницкая, Долгоруковская, Большая Грузинская и т. д.

Торговья улицы Москвы мѣняются сильно за послѣдніе годы благодаря нарождающемуся новому типу магазиновъ и вывѣсокъ. На смѣну скромной, не стремящейся привлечь покупателя роскошью и изяществомъ, лавкѣ приходитъ великолѣпный магазинъ съ зеркальными стеклами во всю стѣну, съ изысканной выставкой, съ строгимъ и чиннымъ распорядкомъ. Прежняя лавка не стремилась ослѣпить покупателя, опьянить его блескомъ товаровъ, разнообразіемъ, богатствомъ выбора, отъ котораго въ головѣ поднимается туманъ; дешевизна и добротность товара, хорошая репутація фирмы—таковы торговые козыри лавки. Магазинъ основанъ на умномъ психологическомъ расчетѣ: его холодное великолѣпіе бьетъ на эффектъ, импонируетъ и производитъ впечатлѣніе одной своей внѣшней стороною. Лавочникъ входитъ въ общеніе съ покупателемъ, торгуется, расхваливаетъ товаръ, споритъ, заговариваетъ покупателя; магазинъ функционируетъ, какъ машина, приказчики—галантные автоматы и коммерческая сдѣлка совершается съ бездушной точностью и спокойствіемъ. Теперь всюду «Right fix» и холодное спокойствіе...

Разница между прежней лавкой и теперешнимъ магазиномъ не случайное явленіе. Въ ней отзвукъ двухъ смѣняющихся бытовыхъ укладовъ: съ колоссальными домами, съ трамваями и автомобилями, вообще съ воцареніемъ машины уходитъ изъ жизни прежнее добродушіе, общительность, милая беспорядочность и свобода: ходъ жизни дисциплинируется, заковывается въ желѣзныя рамки машиннаго темпа. Магазины господствуютъ на центральныхъ улицахъ Москвы: ими заполоненъ Кузнецкій Мостъ, Тверская, Петровка и т. д. Въ глухихъ частяхъ города до сихъ поръ преобладаетъ лавка.

Лавка и магазинъ не остаются безъ вліянія на внѣшній видъ улицъ. Старая дѣловая вывѣска, только извѣщающая и ничѣмъ не старающаяся привлечь вниманіе, обычно—черная съ золотыми буквами, смѣняется крикливой и пестрой рекламой. Эти вывѣски новаго типа, тѣснящіеся надъ окнами магазиновъ, на кронштейнахъ, надъ тротуарами, на пустынныхъ стѣнахъ высокихъ домовъ, на крышахъ, придають улицѣ какой-то шумный, говорливый видъ. Отовсюду видны ихъ яркія, бьющія глазъ и невольно привлекающія вниманіе, краски, затѣйливыя изображенія, шуточные

надписи. Уличная реклама отчасти отнимаетъ у города всякую чинность и серьезность, но зато наполняетъ его жизнью и суетой. Ея вліяніе очень чувствуется, если съ шумной торговой улицы перейти въ тихій переулокъ, усаженный особняками, или въ провинціальную улицу Замоскворѣчья.

Вообще за послѣдніе годы улицы Москвы принимаютъ болѣе «европейскій» обликъ. Европеизируется уличная толпа, въ которой появляется нѣкоторый «шикъ», приходящій вмѣстѣ съ понятіемъ «моды». Населеніе старой Москвы не имѣло представленія о модѣ. Костюмы и обычаи регулировались традиціями, житейскимъ комфортомъ или личнымъ выборомъ. Стремленіе же къ безличной «модѣ», цѣнной только потому, что ей слѣдуютъ всѣ, рождается уже только при значительномъ развитіи городской жизни, при наличности той коллективной культуры, которая такъ нивелируетъ горожанъ, дѣлая ихъ похожими на продукты фабричнаго производства. Котелки, пиджаки, однообразіе чернаго цвѣта — завоевываютъ московскія улицы. Поддевки, русскія рубашки, фуражки и цвѣтные «платочки» — все это исчезаетъ, уходитъ къ пригородамъ. Эта нивелировка различныхъ слоевъ городского населенія свидѣтельствуется объ общей демократизаціи культуры, подъ маской подражательности проглядываетъ стремленіе городскихъ низовъ приобщиться къ мощному потоку міровой жизни. «Русская одежда» держится прочно только у старообрядцевъ восточной части Москвы, да и то нерѣдко «нѣмецкое платье» снимается только для посѣщенія церковныхъ службъ.

Самымъ значительнымъ признакомъ развитія городской жизни представляется ускореніе темпа жизни, приобрѣтеніе ею нервнаго, торопливаго ритма. Въ этомъ отношеніи Москва съ каждымъ годомъ дѣлаетъ гигантскіе шаги. Трамваи, автомобили, телефоны говорятъ объ этомъ такъ же убѣдительно, какъ и развитіе ночной жизни. Крупные промышленные центры никогда не затихаютъ на ночь, но въ Москвѣ кромѣ фабричной жизни кипитъ до поздней ночи и уличная жизнь. Многочисленные театры и безчисленные кинематографы, рестораны, ярко освѣщенные электричествомъ улицы, трамваи до поздней ночи — все это наполняетъ вечеромъ улицы шумомъ и движеніемъ. На главныхъ площадяхъ и улицахъ загораются электрическія рекламы, жизнь затихаетъ только къ 2 — 3 часамъ. А съ 4 — 5 часовъ снова просыпается городъ: ползутъ грузовые автомобили, чистятся улицы, начинаютъ появляться прохожіе...

Своеобразную картину московской общественной жизни представляютъ донинѣ во многихъ мѣстахъ сохранившіяся празднества и «гулянья», а также «торги», приуроченные къ какому-нибудь опредѣленному дню. Извѣстны воскресные торги на Сухаревской площади и Смоленскомъ рынкѣ. Смоленскій торгъ не имѣетъ характера веселаго сборища. Здѣсь серьезно и сосредоточенно торгуютъ дешевымъ и старымъ одѣяніемъ, старой обувью, мебелью, съѣстными припасами и матеріями. Праздной и болѣе или менѣе состоятельной публики Смоленскій рынокъ со своей

грязной и тѣсной площадью не привлекаетъ. Иное дѣло — Сухаревскій торгъ. Вся громадная площадь вокругъ Сухаревой башни заполняется густой толпой, сплошной массой заливающей проходы между ларями и прилавками. На Сухаревой торгуютъ всѣмъ, но спеціальность ея — старыя вещи и книги. Среди москвичей ходитъ масса преданій и слуховъ о всевозможныхъ счастливыхъ приобрѣтеніяхъ на Сухаревой: дѣйствительно, въ давнія времена, когда среди букинистовъ и антикваріевъ не было правильного представленія о цѣнахъ на древности и библиографическія рѣдкости, приходилось за гроши покупать драгоценности, оцѣниваемыя десятками и сотнями рублей. Теперь счастливыя находки отошли въ область преданій, букинисты вывозятъ на Сухаревку самый обычный хламъ, но почти каждый интеллигентный москвичъ, интересующійся книгами, считаетъ своей обязанностью попасть въ воскресенье на Сухаревку, рыться въ кипахъ старыхъ книгъ и приобрѣтать то, что совсѣмъ не нужно, но при случаѣ можетъ пригодиться. Находясь подъ гипнозомъ счастливыхъ случайныхъ приобрѣтеній на Сухаревкѣ, полагая по традиціи, что на Сухаревкѣ все стоитъ крайне дешево, приобрѣтаетъ публика старыя вещи: подержанные граммофоны, балалайки, керосинки и бензиновыя кухни, олеографіи и мебель, словомъ всякіе предметы домашняго обихода. Торговые нравы на Сухаревкѣ вполне соблюдаютъ исконную русскую коммерческую традицію невозможнаго запроса и безконечныхъ уступокъ. Опытный покупатель умѣетъ заставить продавца сбавить 300 — 400% первоначальной цѣны.

Для неопытныхъ и плохо освѣдомленныхъ Сухаревка полна всяческихъ коварствъ. Здѣсь не зѣваютъ въ изобиліи разбросанные карманники. Надувательство вошло вплоть и кровь Сухаревскихъ торговцевъ, не имѣющихъ нужды заботиться о доброй славіи своей фирмы. Наконецъ есть цѣлая профессія жуликовъ, рассчитывающихъ на легковѣріе публики. Къ облюбованному простаку таинственно подступаетъ оборванный субъектъ и, тревожно оглядываясь по сторонамъ, предлагаетъ какую-нибудь драгоценность за крайне дешевую цѣну. При этомъ, скромно погупивъ глаза, замѣчаетъ, что она — «ворованная-съ!..»

Мудрено не соблазниться выгоднымъ предложеніемъ и получить, какъ послѣ окажется, часы или кольцо фальшиваго золота...

На Сухаревкѣ функционируетъ масса профессій, дающихъ красочную картину московскаго быта. Встрѣченныя порознь онѣ мало замѣтны, но здѣсь, связанные въ одно цѣлое, онѣ опредѣляютъ цѣлый бытовой укладъ. Очень оригинальны продавцы готоваго платья въ разносъ. Обычно торгуютъ или брюками, или фуражками. Нагрузившись большой партіей товара, ходячій «магазинъ готоваго платья» расхаживаетъ по всей площади, захаживая въ чайныя, пивныя и трактиры. Примѣрка, если она требуется, совершается тутъ же, гдѣ-нибудь въ укромномъ уголкѣ. Обращеніе съ покупателемъ и продавцомъ самое непринужденное: для убѣдительности обругать покупателя, поставить ему на видъ въ крѣпкихъ выраженіяхъ, какъ ничтоженъ онъ, не понимающій истинныхъ качествъ предлагаемаго товара — вполне можно.

Торговки хлѣбомъ на Смоленскомъ рынкѣ.

Продавецъ кваса и „дуэль“.

Московская жизнь. Воскресный торгъ на Трубной площади.

На Сухаревкѣ, какъ и на всѣхъ удаленныхъ отъ центра площадяхъ, гдѣ наблюдается скопленіе бѣднаго люда, функционируютъ бродячіе чинильщики сапогъ. Подозвавъ такого мастера, вооруженнаго всѣмъ требующимся инструментомъ и меланхолично бродящаго, заказчикъ садится на тумбу и снимаетъ сапогъ. Мастеръ осматриваетъ, начинается торгъ и, если достигнуто соглашеніе, тутъ же производится спѣшная чинка.

По Сухаревкѣ въ изобиліи разгуливаютъ торговцы съѣстными припасами—пирожками, блинами, всякими подозрительными сладостями. Кромѣ своего прямого дѣла они охотно занимаются азартными играми, отчасти представляющими примитивную форму рулетки, отчасти основанными на ловкомъ фокусѣ. Московская рулетка устраивается такъ: деревянная доска дѣлится на 5—10 нумерованныхъ квадратиковъ. На квадратики дѣлаются ставки, затѣмъ пускается кубарь. Выигрываетъ то поле, на которомъ остановился кубарь. Выигравшій получаетъ втрое противъ своей ставки, а все остальное идетъ въ пользу хозяина рулетки. Другія простонародныя азартныя игры основаны исключительно на ловкости рукъ. Берется связанный въ кольцо шнуръ: предприниматель быстро и хитро складываетъ его петлей. Игра идетъ на закладъ, иногда на нѣсколько рублей: если играющій поставитъ палецъ такъ, что попадетъ внутрь кольца—то онъ выигрываетъ; если кольцо сдергивается—онъ проигралъ. Или быстро разбрасываются три карты: нужно угадать—которая изъ нихъ фигура. Задача не трудная, но, благодаря какимъ-то ловкимъ манѣврамъ игроковъ, почти никогда не удаётся угадать вѣрно.

Обыкновенно организаторы такихъ игръ держатся цѣлой компаніей. Одинъ ведетъ игру, другіе вмѣшиваются въ публику, подогрѣваютъ ее удачными фиктивными ставками, крупными выигрышами и всѣми мѣрами способствуютъ видамъ играющаго. При приближеніи полиціи рулетка моментально превращается въ лотокъ съ пирожками. Эти азартныя забавы практикуются и на Сухаревкѣ, но особенное распространеніе получаютъ на Верномъ торгѣ. Азартъ сильно взвинчиваетъ публику и нерѣдки случаи проигрыша нѣсколькихъ десятковъ рублей—очевидно всей полочки, какимъ-нибудь рабочимъ или ремесленникомъ.

Сухаревскій торгъ съ годами не падаетъ, но, наоборотъ, процвѣтаетъ. Особенную оживленность приобрѣлъ онъ за послѣдніе годы, съ запрещеніемъ праздничной торговли, когда для лицъ, занятыхъ въ будни, единственной возможностью совершать покупки стали воскресные торги. Есть въ Москвѣ и «толкучка» около Устьянскаго моста, но ея обороты не такъ значительны и, кромѣ того, товары ея крайне низкаго качества и соотвѣтственно низкихъ цѣнъ. Тутъ торгуютъ старымъ, перешитымъ и перечиненнымъ платьемъ, желѣзнымъ ломомъ и старьемъ и обслуживаетъ толкучка самые низшіе круги столичнаго населенія.

Всѣ своеобразныя особенности московской торговли, а ихъ до сихъ поръ такъ много, основываются на непривычкѣ косной части жителей къ современнымъ магазинамъ, къ далекимъ передвиженіямъ по городу. И отчасти, можетъ быть, экономическимъ расчетомъ, потому что торговцы

въ разность, продающіе весьма сомнительные товары, берутъ нѣсколько меньше въ сравненіи съ лавочными цѣнами...

По всѣмъ частямъ Москвы, кромѣ богатыхъ и торговыхъ улицъ, расхаживаютъ торговцы мясомъ, печенкой, телячьими ножками. Товаръ ихъ разложенъ на весьма сомнительной чистоты деревянномъ лоткѣ, прикрытъ грязнымъ холстомъ, темнымъ отъ крови и пыли. Иногда, присѣвъ на тумбу въ какомъ-нибудь пустынномъ переулкѣ, разносчикъ тутъ же на улицѣ рубитъ и перекладываетъ свой товаръ. Для занятыхъ хозяекъ имѣетъ значеніе и то, что продавецъ самъ приходитъ, и такимъ образомъ не нужно тратить времени на хожденіе по лавкамъ.

Нѣкоторой безшабашностью москвичей, не умѣющихъ строго планомерно вести свое хозяйство, объясняется и то обиліе возможныхъ торговцевъ-разносчиковъ, которое заполняетъ всѣ московскія улицы. Лимоны, апельсины, яблоки, папирсы, книги, шнурки и мазь для обуви, открытки, стаканы, носки и чулки, носовые платки — все это успѣшно продается на улицахъ юркими молодцами, хотя въ любомъ сосѣднемъ магазинѣ можно пріобрѣсти съ такимъ же успѣхомъ за одинаковую цѣну. Въ магазинъ нужно заходить — молчаливо соображаетъ лѣнивый обыватель, а здѣсь на улицѣ мимоходомъ можно сдѣлать всѣ покупки...

Ни въ одномъ русскомъ городѣ нѣтъ такой массы трактировъ всѣхъ 3-хъ разрядовъ, пивныхъ и ночныхъ чайныхъ. Въ Москвѣ еще держится старый русскій трактиръ съ заводной «машиной», съ канарейками у потолка, съ половыми въ бѣлыхъ полотняныхъ одѣяніяхъ, при видѣ котораго вспоминается «Доходное мѣсто» Островскаго. Но «чистый» трактиръ уже замѣтно европеизируется, превращаясь въ ресторанъ, а трактиръ низшаго разряда принимаетъ слишкомъ пьяный и неопрятный видъ. Средняя и «нижесредняя» публика — небогатая интеллигенція, мелкое купечество и чиновничество, переходитъ на сторону ресторановъ и трактиры посѣщаются только наиболѣе демократичными слоями населенія и особенно извозчиками. «Пивная лавка» не представляетъ никакого бытового интереса. Гораздо характернѣе «ночная чайная», открывающаяся вечеромъ и функционирующая всю ночь. При большихъ «ночныхъ» есть ночлежныя отдѣленія, посѣщаемыя болѣе чистой, чѣмъ въ ночлежныхъ домахъ, въ большинствѣ случайно и временно оставшейся безъ крова публикой. Въ ночныхъ чайныхъ проводятъ время ночные извозчики, рабочіе въ ожиданіи смѣны, легкомысленныя дѣвицы низшаго разбора и т. д. Здѣсь не допускаются никакія развлечения, кромѣ бесѣды, которая иногда завязывается довольно оживленно. Въ ночныхъ чайныхъ, кромѣ чая и неофициально подаваемой надежнымъ людямъ водки, продаются разнаго рода спецефическія снѣди. Особенно славятся московскія чайныя горячей «жареной колбасой», кушаньемъ, убійственнымъ для непривычнаго желудка...

Старинныя московскія народныя гулянья сохранились до нашихъ дней и представляютъ странное сочетаніе исконныхъ народныхъ забавъ и развлеченій съ опрошенными культурными удовольствіями. Самыя людныя гулянья бываютъ на масленицу и на Пасху — на Дѣвичьемъ полѣ и за